

*В этом номере журнала «Мир России» мы продолжаем публикацию материалов VII Международной научной конференции «Модернизация экономики и государство» (4–6 апреля 2006 г., Москва), проводившейся Государственным университетом – Высшей школой экономики при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. Председатель Оргкомитета конференции – научный руководитель ГУ-ВШЭ, профессор Е.Г. Ясин. В рамках конференции был организован круглый стол «Государство и общество в период непопулярных реформ и модернизации: межстрановый анализ» (руководитель О.И. Шкаратан).*

## **Государство и общество в период непопулярных реформ и модернизации: межстрановый анализ (материалы круглого стола)**

Участники: О.Д. Куценко (Харьковский национальный университет); О.И. Шкаратан (ГУ-ВШЭ), Р.Х. Симонян (Российско-Балтийский Центр ИС РАН), Е.В. Серова (Институт экономики переходного периода, ГУ-ВШЭ), В.А. Красильщиков (ИМЭМО РАН), Р.М. Нуреев (ГУ-ВШЭ), С.В. Беспалов (ИНИОН РАН) и другие.

### **О.И. Шкаратан**

Каковы итоги реформ начала 1990-х годов?

Когда проводились реформы по либерализации экономики, более 90% людей кричали: «Ура! В Европу!» Проводились эти реформы по одним и тем же лекалам во всех посткоммунистических странах, за исключением Китая. Итог получился разный. Для России этот итог плачевен. По итогам 2004 г. объем ВВП по сравнению с 1990 г. составил 83%, промышленного производства – 70%, сельскохозяйственного производства – 71%, по инвестициям – 36,6%! Реальные доходы населения даже по данным государственной статистики лишь к концу 2005 г. достигли уровня 1990 г., и это – при резком скачке дифференциации. Между тем уже к 2000 г. почти все посткоммунистические страны Восточной и Центральной Европы по объему ВВП вышли на уровень дореформенного 1989 г. или даже превзошли его. Почему именно в России по сравнению со странами Восточной Европы такие неблагоприятные результаты? Я бы хотел обратиться к факторам, причинам происшедшего. Первый фактор связан с тем, что реформы в России проводились психологически и под интеллектуальным и духовным прессингом в пользу еще не существующих социальных групп. Буржуазные реформы по существу пришли, когда еще не было никакой буржуазии, в отличие, например, от Польши. В постсоветской России буржуазия реально стала складываться, когда сменились уже три поколения, не знавших ни рыночных отношений, ни легальной частной собственности. Соответственно у нас не получилось прямой исторической преемственности по отношению к нашему

предреволюционному прошлому, в отличие от Чехии или Эстонии, где не только в иммиграции, но и внутри страны был человеческий материал, который еще не забыл, что такое «это мое!». Это принципиально важно. Про демократию я не говорю, потому что не везде в этих восточноевропейских странах был исторический опыт демократической власти. В начале 1980-х годов мы (все те, кто стремился реформировать Россию) были убеждены в необходимости реформ. Мы полагали, что даже опаздываем с начинаниями с точки зрения глобального развития, а оказалось, что большинство населения совсем не стремилось к этим крупным преобразованиям. Мы принимали недовольство уровнем и качеством жизни у большинства за готовность к коренным переменам.

Второе существенное различие с другими странами посткоммунистического транзита, – у нас власть и контроль за структурным реформированием почти с самого начала оказались полностью в руках молодого поколения номенклатуры. И вовсе не правительство Е.Т. Гайдара контролировало ситуацию в стране, а Кремль, который находился под контролем номенклатурных сил: бывших секретарей обкомов, бывших председателей облисполкомов и т. д.

Третье отличие от других стран – это утрата контактов и связей с русской эмиграцией на Западе. Если польская эмиграция работала на Польшу, а частично и вернулась в Польшу, если посланцы Литвы (а я наблюдал это собственными глазами) ездили по Америке, и литовцы-эмигранты их искали, находили и выпрашивали: «Как помочь Литве?», то с Россией этого не было. У нас в этом смысле ничего не получилось. Россия, пожалуй, в этом отношении, оказалась уникальной страной, которая не поддерживала отношения с той эмиграцией, которая владела искусством жить и работать в условиях частной собственности, конкурентной экономики и демократии.

Естественно, не надо забывать, что как только в течение года-полутора стало ясно, что никакой демократической революции не будет, Ельцин уже начал довольно откровенно высказываться на этот счет. Позволю себе процитировать одно его высказывание, датированное августом 1992 г.: «В сентябре–октябре 1991 г. мы прошли буквально по краю, но смогли уберечь Россию от революции!» Но нам-то «красная революция» не грозила! «Грозила» буржуазная и демократическая, которая прошла, благодаря подкрепившему ее мощному национальному фактору на западе от нас, а нас задела лишь краешком. Думаю, что национальный фактор позитивно сказался и на судьбе казахов и киргизов.

Четвертый фактор касается оценки направленности развития посткоммунистических стран и связан с обнаружившимся трендом к реставрации очень неприятных сторон коммунистического периода. Частная собственность при этом остается, но если брать

отношения «власть—собственность», составлявшие основу этакратизма, который в СССР господствовал под видом социализма, то эти отношения «власть—собственность» сохраняются и продолжают доминировать.

Возникает вопрос, как выглядел, как был «сконструирован» коммунистический мир? В центре его была Россия. Не СССР, а Россия. Напомню, что на Украину советская власть пришла с кровью и железом при двух крохотных полках украинцев на стороне советской власти: батьки Боженко и фельдшера Щорса. В остальном это были русские воинские части и еврейская молодежь из местечек. Украинцы к этому относились более чем сдержанно. Что же касается того, как устанавливалась наша система в Польше и других странах Восточной Европы, то в тех случаях, когда она приходила мирным путем, кончалось все равно не мирно, событиями, подобными оккупации Чехословакии в 1968 г. Однако мы имеем дело со странным явлением. Ведь было ядро, где советская власть была поддержана народным движением, выросла органически, на национальной почве. Легенда о том, что это был заговор кучки большевиков, действовавших как агенты германского генералитета, организовавших переворот 1917 г., и народ растерялся и вынужденно принял власть большевистских преимущественно иноплеменных комиссаров, – не более чем легенда. Ничего подобного! Страна была разломана, но состав населения и ситуация были таковы, что большевизм в форме национал-большевизма – сталинизма установился при поддержке основных масс населения. Но в России! Именно в России.

Кто относится к ядру этакратической геосистемы? Наши восточные соседи, у которых черты этакратизма выражены в чистейшей форме. Далее я бы выделил полупериферию системы (например, Болгарию и Украину), где все-таки присутствовали элементы определенной поддержки со стороны значительных групп населения. И, наконец, периферию нашей системы, где без угрозы вооруженного вмешательства со стороны России власть не продержалась бы сколь-нибудь значимое время.

Возникает вопрос, почему у них этакратизм приходил с кровью и железом, а у нас если и не шел «на ура», то уж точно, что сам по себе произрос. Здесь, конечно, речь идет об историзме и историческом подходе. Смысл, с моей точки зрения, очевиден. Все забывают о том, что Россия, Русь, началась как европейская страна во главе с двумя осевыми для нее столицами – Новгород и Киев. И это государство было вполне европейским с устанавливающейся проточастной, а затем и частной собственностью, с распределением власти между князем, вече, боярством и церковью. Мы ничем не отличались от Запада к моменту разгрома Киевской Руси татаро-монголами. Тот факт, что была принята византийская версия христианства, видимо, был дополнительным фактором на перспективу, но на тот момент это существенно не сказалось.

Что получилось потом? В советских учебниках по истории нет истинной информации, она фальсифицирована. Написано о Руси-России, как будто все выросло из Москвы и т. д. Но ведь была Литовская Русь, где, кстати, было больше русских на момент формирования Московской Руси. И эта Западная Русь, откуда происходит и первопечатник Федоров, и многие из тех, кто работал с Петром I, и кто еще при Алексее Михайловиче пополнял кадры наиболее продвинутых и образованных высших чиновников, дьяков и т. д., по социально-экономической организации была вполне европейской. Напомню, что в Литве изначально государственный язык был русский и письменность русская, и первоначально христианство православное.

Что происходит дальше? А дальше Московская Русь по существу становится преемницей Золотой Орды. Решающую роль в этом сыграл Александр Невский. Он считал основной опасностью для Руси угрозу с Запада, а в Орде (в которой погиб его отец) видел сильного союзника. Он стал приемным сыном Батыея и привел в 1252 г. Орду на Русь, которая освободилась, кстати, к тому времени от татар. Это случилось при бешеном сопротивлении большинства населения, его родного брата Андрея и других князей. Как отмечает известный сторонник евразийства и поклонник Александра наш современник Л.Н. Гумилев, среди современников политический курс князя популярностью не пользовался. Никто не думал благодарить князя за его усилия по спасению Русской земли. Теперь выясняется, что это было «соборно». По-моему, это странная соборность прозападно ориентированного по большей части населения, князей и городов. А в Новгороде между «молодшими» и «лучшими» произошел раскол, и насилием был повторный приход Александра Невского как князя. Другое дело, что прозападный курс оппонентов Александра Невского не исключал возможности проникновения в страну католичества. Но что Русь была к середине XIII в. по-прежнему европейской страной и сохраняла шанс остаться таковой – это факт. Но эта середина XIII в. была критическим моментом российской истории, той самой точкой бифуркации, когда достаточно малых воздействий на систему для того, чтобы она перешла из одного (ранее устойчивого) состояния, ставшего неустойчивым, в новое устойчивое состояние – в более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности и организации, в какой именно – это зависит от выбора людьми одного из возможных путей развития. И этот выбор был сделан сторонниками союза с Ордой во главе с Александром Невским. Они применили целенаправленное воздействие (насилие) на соотечественников в момент прохождения Русью точки бифуркации.

Когда мне говорят, что исторические факторы не работают через столетия, я никак не могу понять: как это не работают, когда у нас опять то же самое! Мы ближе с Востоком

или с Западом? Например, Митрополит Кирилл объясняет, что у нас особое понимание прав человека. Я не специалист по религиоведению, но интересуюсь, какие могут быть особые права человека, которые не записаны в Международном Билле о правах человека Организации Объединенных Наций. Этот билль и все входящие в его состав документы ратифицированы еще парламентом СССР и подтверждены парламентом новой России.

Как ни странно, но через столетия спор повторяется снова. Проходит та же граница. Ареал охватывает страны, которые относились к категории стран вторичного закрепощения крестьянства, с одной стороны, и господства стэйтизма, государственной собственности, с другой стороны. Причем раскол между ними абсолютно четкий издревле. Мы сталкиваемся с ситуацией, что проведение тех же реформ, что «у них», «у нас» не проходит. Куда идти, как идти – определить сейчас непросто. Ясно одно: что не исключен вариант успешного технологического развития, формирования новой (информационной экономики) при сохранении этакратической организации общества, т. е. модернизированный советизм.

Разговоры о том, что у нас исчезли отношения «власть–собственность», неправомерны. Существует иногда иллюзия, что у нас такой же средний класс, как на Западе. Безусловно, это не так. Есть зажиточные люди, но почему-то репродуктивной функции они не выполняют. Почему-то живут, не воспроизводя самих себя. И элита вроде есть, но почему-то за пределами России, в других постсоциалистических странах элиты стремятся укреплять свои страны, а у нас – бежит отдать деньги в другие страны, спрятать их и т. д. Другой пример – приватизация. В России она прошла не так, как в других странах, например в Эстонии, Литве или Польше. Прошла она словно в тех же костюмах и в тех же помещениях, и с тем же электричеством, но многое совсем по-другому. То есть налицо многие странности, которые говорят о том, что «у нас» все-таки не совсем так, как «там», и соответственно надо подумать, что делать в этой ситуации, какие разумные решения предложить.

### **С.В. Беспалов**

Я бы хотел добавить, что действительно, в Древней Руси было четыре политические силы: князь, вече, боярство, церковь (которую можно вынести за скобки). В Московской Руси было по-другому.

Известно, что возникли три центра государственности: Московская Русь, Владимиро-Суздальское, Галицко-Волынское и Новгородское княжества.

В Галицко-Волынском княжестве земельная аристократия играла ключевую роль в политической жизни.

На Юго-Востоке Руси князь чувствовал себя пришельцем.

В Московской Руси князь был хозяином земель, а население чувствовало себя пришельцами, полностью зависящими от этого князя.

Поэтому я думаю, что особенности взаимоотношений России и Украины и их государственной политики нужно искать в том историческом периоде.

## **Р.Х. Симонян**

К сожалению, в сегодняшней России ощущается острый дефицит исследований по проблемам стран Балтии. А вот в таких странах как Германия, Швеция, Дания, Польша, не говоря уже о Финляндии, много и научных центров, и серьезных исследований, посвященных этому региону. У наших обществоведов он не вызывает интереса, в то время как это самый динамично развивающийся регион Евросоюза. Темпы роста ВВП в странах Балтии в 3–4 выше, чем в среднем по объединенной Европе. А о геостратегическом значении этого региона для России и говорить не приходится. Балтийское море имеет огромный потенциал для развития транзита. В 2005 г. объем товарооборота между Европой и Азией превысил триллион долларов. Пока основная часть грузопотоков идет через южные моря, которые по известным причинам становятся все более рискогенными. Контраст между взрывоопасным югом и традиционно толерантными и миролюбивыми Северными странами заставляет предпринимателей использовать торговые пути через Балтику, которая располагает более сотней хорошо оснащенных морских портов, а страны, прилегающие к Балтийскому морю обладают высокоразвитой и диверсифицированной промышленностью, высококвалифицированными кадрами, необходимой инфраструктурой, эффективной логистикой.

Сегодня Россия начинает ощущать себя транзитной страной. Что это означает? Это долгожданная возможность снижения в экономике удельного веса добывающих отраслей, производственной нагрузки на экологию. Можно опустошать недра, но можно расширять коммуникации, организовывать прохождение по ним грузопотоков и таким способом наполнять государственную казну. Учитывая, что Черное море становится для России все более закрытым, да и Турция, по-видимому, скоро откажется от доктрины Монтре, Балтика и вообще северо-западное направление обретают статус единственного «окна в Европу». В этой связи изучение стран Балтии, где сегодня полтора миллиона русских стали жителями Европейского союза, где каждый пятый – наш бывший соотечественник и

где у нас действительно сильные позиции и в экономике, и в культуре, становится актуальной задачей.

А пока господствует дезинформация по поводу трех балтийских республик. Здесь есть и отсутствие знаний о реальности, и исторические обиды, и зависть, и желание затенить свои ошибки. Российские СМИ постоянно драматизируют положение наших бывших соотечественников в Латвии, Литве и Эстонии, проклятья сыплются на головы местных национал-радикалов, которые не дают им гражданства. Но никто не вспоминает о том, что когда 24 августа 1991 г. первый президент России подписывал акты о признании независимости этих стран, то он не поставил в качестве условия гарантию прав русским. Разумеется, тогда эти условия были бы безоговорочно приняты, так как для вчерашних союзных республик, внезапно обретших независимость, несомненно, гораздо более приоритетной целью было официальное признание Россией их суверенитета, чем права русскоязычных (да и сам термин «русскоязычные» появился позднее). Тем более что в Прибалтике находились части российской армии и только через три года были подписаны документы об условиях их вывода. В те дни и русскому языку вполне можно было обеспечить определенный благоприятный статус, что признают и сами тогдашние прибалтийские лидеры. Но этого сделано не было, так же, как в Беловежской Пуще не было оговорено требование оставить Крым России. К удивлению украинской делегации, Россия не высказала своих претензий не только на Крым, но даже на Севастополь.

Российским политикам тяжело признать, что благосостояние населения стран Балтии, в том числе и русскоязычного, значительно опережает благосостояние населения России. Ведь экономические реформы начались одновременно в России и странах Балтии. И стартовые условия были одинаковыми. Хотя неловко сравнивать убогие недра балтийских республик с сокровищами наших природных ресурсов. Что касается главного ресурса – человеческого, то, как всем хорошо известно, самые мощные научно-производственные центры находились не в Вильнюсе и Таллинне, а в Москве, Ленинграде, Новосибирске и других российских городах. Именно десятки тысяч специалистов из этих центров успешно используются сегодня в США, Канаде, Германии, Англии, Франции и других странах. Каков итог за 15 лет? Начали мы одновременно, но, к сожалению, за последние пятнадцать лет стало ясно, что мы очень отстаем, даже если просто говорить о благосостоянии. Минимальная пенсия в Эстонии 250 долларов США, а учительница русского языка в русской школе Таллинна получает 700 долларов США, при более низких розничных ценах на продукты питания (кроме алкоголя) и оплату жилищно-коммунальных услуг. Поэтому разве можно нынешней российской номенклатуре без неприязни относиться к бывшим республикам Прибалтики?

В культурном отношении Балтия – это зона смешанной культуры: если Россия 300 лет была под татарами, то страны Балтии 700 лет были под немцами, и немецкая культура повсеместно там проявляется. Эта смешанная зона, когда эстонцы одновременно понимают россиян и немцев, позволяет им быть редуктором при переходе от одной культуры к другой. Здесь очень большой потенциал для развития, тем более что русская культура оказала очень большое влияние на страны Балтии, так же как и немецкая. И этот регион, эта зона взаимодействия, является и для нас, и для европейцев самым важным регионом. С этим согласны и немецкие, и даже французские исследователи.

### **С.В. Беспалов**

Представленные вами зарисовки очень интересны, но мне кажется, что если нужно обрисовать картину в целом, то можно выделить несколько важных факторов.

Мне представляется, что здесь вот на что следует обратить внимание. Во-первых, на первоначальном и самом сложном этапе реформ национальная политическая элита этих стран была консолидирована. У нас такого не было ни на одном этапе. В нашей стране к этому добавляются проблемы между центром и регионами, на федеральном уровне с разделением властей не все в порядке. Что касается Прибалтики, то при всех тактических разногласиях между политическими группировками по поводу базовых ценностей, направлений реформ согласие было и остается. Это один момент. Они всегда знали, чем будут вознаграждены за свои реформаторские усилия, потому что «приз» в виде приобщения к западным структурам, в виде потенциального вступления в Евросоюз был им обещан сразу, перспектива была четко обозначена, и они хотя бы знали, ради чего страдают. Российскому народу такого приза никто не обещал. Сложно сказать, могла ли наша элита предложить что-нибудь, столь же привлекательное, российскому населению, но, в любом случае, ничего предложено не было.

Итак, не просто перспектива вступления в эти структуры сыграла большую роль, а всесторонняя поддержка со стороны Евросоюза и ряда других организаций, и не просто финансовая помощь, а помощь в институциональном строительстве.

Страны Балтии пошли на очень смелый эксперимент. Они полностью отказались от советского законодательства и взяли за основу ту законодательную базу, которая существовала до вступления этих государств в Советский Союз. Мы сначала потешались над этим: как можно пытаться вернуться на 60 лет назад, отбросить все это. Но тем не менее итоги их развития показали, что именно такая резкая смена Конституции и всего



законодательства, а не медленное поэтапное и противоречивое реформирование, как это было в России, оказалась способной обеспечить такие значительные результаты.

Хочется обратить внимание еще на одну вещь. Важные, ключевые позиции в бизнесе в Эстонии, Латвии и Литве, несмотря на проблемы с гражданством, занимают русские. Они оказались способны воспринять реформы и интегрироваться в них, что еще раз доказывает: дайте русским нормальную институциональную среду, и все будет хорошо. Все эти апелляции к нашему менталитету едва ли могут объяснить все трудности, которые мы переживаем.

### **Р.Х. Симонян**

Да, действительно, реформы в странах Балтии проводились весьма сплоченными командами. Но более тесного коллектива единомышленников, чем правительство Гайдара не было ни у кого. И по ориентации на западные либеральные идеи они превосходили и латышей, и литовцев, и эстонцев. И западные монетарные модели они реализовали с помощью привлеченных западных специалистов. И профессионалов экономистов у российских реформаторов было больше. В Латвии первое правительство возглавил физик Ивар Годманис, в Эстонии – социолог Эдгар Сависаар. Литве повезло больше – там первым премьером была Казимира Прунскене, доктор экономики. В отличие от работы реформаторов в балтийских парламентских республиках российские реформаторы действовали в условиях безоговорочной поддержки «Президента вся Руси» Бориса Ельцина, власть которого была беспредельной.

Но если в Латвии, Литве и Эстонии приватизация шла 10–12 лет, то в России она продолжалась 2,5–3 года. Е. Гайдар в своей весьма откровенной книге «Государство и эволюция» пишет, что приватизацию в России нужно было делать «срочно». Но в тексте вы не найдете ни одного аргумента, объясняющего эту срочность. В его книге много рассуждений об азиатской ментальности россиян, что усложняет экономическую реформацию. Но население таких стран как Индия, Китай характеризуются еще большей азиатской ментальностью, а реформы там осуществляются успешно. У России не было западных инвестиций? А кто мешал Б. Ельцину попросить их на Западе? Может быть, друг Колль? Но не просили и вот почему. Получению западных инвестиций в экономику стран Балтии сопутствовал последовательный и жесткий контроль. «Распихать их по карманам», как пишет Е. Гайдар, шансов было мало. Но главные потери были не в экономической, а в политической и нравственной сфере. Реформы 1990-х годов дискредитировали понятие демократии в массовом сознании россиян и спровоцировали авторитарные тенденции в управлении страной, деморализовали общество.

## **О.И. Шкаратан**

Следует разделять понятия «правительство» и «правлящая группировка». Ведь Гайдар реально никогда не руководил страной. Все команды шли из Кремля. Нет даже смысла сравнивать реальные властные полномочия Гайдара и пришедшего ему на смену Черномырдина – своего, «родного» для Ельцина и его кремлевского окружения.

## **Е.В. Серова**

Я работала в правительстве России в 1991–1994 гг. и хотела бы подтвердить слова О.И. Шкаратана, что миф о том, что правительство Гайдара было властью, живет и побеждает в стране.

Расскажу о двух случаях из жизни. Известный указ о реорганизации колхозов и совхозов, который был принят под Новый год 1991 г. Мы сидели в правительстве Шахрая, и его виза была последней перед подачей к президенту. В 2 часа ночи Шахрай визирует указ. Затем его должны были перевезти со Старой площади, где сидел Шахрай, в Кремль Ельцину.

Утром приходит подписанный Ельциным указ, в котором текст изменен. То есть документ, проезжая от Старой площади до Кремля, был поправлен.

Другой пример – второе пришествие Гайдара. Гайдара просят заняться либерализацией зернового рынка. Я в качестве эксперта Минсельхоза подготавливала наброски для этого проекта. Работа шла ночами. Я отправляла информацию с факса министра на факс вице-преьера в качестве личных записок. А утром к моим размышлениям выходили комментарии в прессе.

У меня много друзей, работающих в Балтии в подобных министерствах. И знаю, насколько консолидирована была там элита. Маленький пример. В Литве приходит к власти определенная политическая группировка. Министр назначает своего заместителя. Они выводят за штат все министерство, в течение недели пишут концепцию министерства и аграрной политики, и после этого набирают людей. То же самое в Казахстане. А в России такого консолидирующего эффекта не было и нет.

Безусловно, исторический аспект значим, играет большую роль то время, которое мы тащим через многие века. Вопрос в том, следует ли из этого делать вывод, что нам нужен другой путь или просто не судить реформы строго, потому что мы еще не достигли намеченного результата? С моей точки зрения, судить нужно не куда дошли, а какой путь

прошли до этой точки. Россия до того места, куда она дошла, проделала в несколько раз больший путь, чем сделали восточно-европейские страны и Прибалтика. Вот еще небольшой пример. Недавно я провожала одного венгерского коллегу, возвращавшегося домой. Он говорит: «Как хорошо у вас в России! А у нас коммунисты правят». В то же время он отмечает, что «при коммунистах» можно было приобрести в частную собственность землю, и не видит в этом ничего особенного. В газете «Правда» была рубрика «Круглый стол». Так вот в 1989 г. один из заголовков этой рубрики вопрошал: «Трактор в частную собственность?» А сегодня проблема частной собственности на землю уже не обсуждается. Это решенный вопрос. В Венгрии же землю продавали и покупали при коммунизме. Поэтому нельзя сравнить ту дистанцию, которую прошли они, и ту, которую прошли мы. Поэтому я считаю, что путь, который прошли Россия, Украина, Казахстан, при всех недостатках не так уж плох.

В 1989 г. мы делали совместный с венграми опрос по поводу того, сколько сельских жителей хотели бы вести фермерское хозяйство. Выяснилось, что в обеих странах было по 5%. Вопрос в том, что это были за проценты. В России это были люди до 35 лет. В Венгрии это были в основном люди, которые были рождены на частных фермах. Вот два факта, показывающие, что задачи, которые решают советские страны, несопоставимы экономически и политически с теми задачами, которые решает Восточная Европа. И в том, как помогали им, и в том, как помогали нам, была большая разница.

### **В.А. Красильщиков**

Самый главный вопрос: а кто субъект преобразований? Кто субъект приватизации в России, Украине и других странах СНГ, приватизации в странах Восточной Европы и т. д.? И кто субъект тех процессов, которые у нас происходят сейчас?

По большому счету, мы наблюдаем некую стадию длительного процесса разложения старой системы советского типа. Это разложение началось примерно в середине 1960 – начале 1970-х годов, когда модель мобилизационной экономики выполнила и перевыполнила те исторические задачи, которые она могла решить.

И в связи с этим я хочу высказаться по поводу попыток сравнивать реформы, например, в бывшем СССР и в Китае. Эти попытки бессмысленны. У нас рыночные отношения – это прежде всего результат разложения старой советской системы, в Китае рыночные отношения все-таки выросли снизу. Попытки связать успехи китайских реформ с конфуцианской этикой мне представляются неудачными, потому что конфуцианство, как писал Вебер, несовместимо с предпринимательством и частной

инициативой. Конфуцианство сыграло другую роль в условиях функционального менеджериального капитализма XX в., в условиях догоняющего развития. Конфуцианство – это, строго говоря, доктрина дисциплинирования чиновничества. Если сверху пришло указание не мешать крестьянину собирать урожай и продавать, то чиновник, который сидит на месте в деревне, действительно не будет мешать крестьянину, потому что так повелел вышестоящий начальник. Но непосредственно с рынком это никак не связано.

Что касается разложения старой советской системы, то оно будет продолжаться. К чему это приведет, трудно сказать, но думаю, что ни к чему хорошему. Напомню слова Шарля де Голля, которого уж никак нельзя обвинить в русофобии. Он сказал, что от России (он имел в виду Советский Союз) отпадут сначала восточно-европейские союзники, потом союзные республики, в том числе Украина и Беларусь, потом Сибирь. Претенденты на Сибирь известны. И вот когда Россия окажется на пространстве между Смоленском и Уралом, без ресурсов, вот тогда она возьмется за ум и станет нормальной благополучной европейской страной.

### **Р.М. Нуреев**

Идея «власти–собственности» стара. Это собственность, при которой степень ее полноты определяется положением в государственной иерархии. Если проводить институциональный анализ этой категории, то существует огромная разница в ее понимании. Я опущу то, что характеризует систему частной собственности, и обращаюсь сразу к характеристике командной экономики. Прежде всего иная форма собственности – общественно-служебная, субъекты прав собственности тоже иные – государственные чиновники, тип правомочий – властно-общественные служебные правомочия, характер распределения правомочий между субъектами и степень исключительности – тоже иной: правомочия размыты между всеми хозяйствующими субъектами, и реализация правомочий имеет форму службы. Целевая функция у субъектов тоже иная – это максимизация разницы между полученными раздачами и произведенными сдачами. Система стимулов также отличается от системы частной собственности – это административный контроль и принуждение и механизмы и инструменты передачи прав собственности, сдачи и раздачи. Субъекты-гаранты прав собственности тоже иные – это карательные подразделения центральной и региональной власти, и механизм гарантии прав собственности заметно отличается по структуре и составу транзакционных издержек. Это особенно заметно по мере спецификации прав собственности и при переходе к частной собственности, не говоря о ее защите.

Можно спорить, какого рода была советская экономика. Официальная идеология говорила о том, что она более высокого уровня, чем рыночная, в свою очередь концепции восточного деспотизма опускали ее на гораздо более низкий уровень как разновидность рыночной экономики – экономики дефицита. Командная экономика воспроизводила себя довольно долго, постепенно регрессируя. С реформы 1940–1941 гг., когда основными агентами экономической реформы были наркоматы, пытались создать экономику регионов, затем экономику отраслей и подотраслей, крупных предприятий и малых предприятий и даже экономику физических лиц. Несложно заметить, что по этой пирамидально-сегментарной иерархии все сводилось на более и более низкий уровень.

Какие же реальные методы приватизации были в странах с переходной экономикой, а также в странах Восточной Европы? Если мы возьмем Россию, то на первом месте оказался выкуп предприятий менеджерами и работниками, на втором месте – прямые продажи, и только на третьем – массовая приватизация. На Украине на втором месте оказалась массовая приватизация. Если мы обратимся к опыту других стран, то там тоже не все однозначно. Например, в Венгрии, наоборот, на первом месте были прямые продажи, выкуп же только на втором месте.

Если мы посмотрим на выигравшие стороны, то увидим, что в результате спонтанной приватизации в выигрыше оказались номенклатура и комсомол, в период массовой приватизации – инсайдеры. Денежная приватизация была на руку аутсайдерам и некоторым инсайдерам. Залоговые схемы и первичная приватизация привели к обогащению олигархов и сыграли на руку некоторым иностранным инвесторам.

Известная теорема Коулса гласит, что неважны пропорции первоначального распределения, а надо, чтобы потом ресурс оказался в руках наиболее эффективного собственника. Обратите внимание! Первоначально больше 60% получили инсайдеры. Затем их доля на наших глазах почти в два раза уменьшилась. Процесс шел в пользу эффективного собственника. Но государство в России далеко не «ночной сторож», и процессы сейчас происходят иные. В постсоветской системе появляется институт достаточного государственного собственника, проводящий действия вне правового поля, и чиновники, использующие власть для получения ренты. Юридическая система не работает, контроль выполнялся с долей вмешательства (особенно явно это было в 1990-е годы) организованной преступности. Коррупция распространена везде.

Соответственно возникает вопрос – что произойдет дальше? Существует возможность, что опять произойдет деприватизация. В целом возможны три варианта развития событий:

государственно-бюрократический;

олигархический;

демократический.

При государственно-бюрократическом варианте государственный капитализм, если он будет развиваться, приведет к всеобъемлющему вмешательству государства в экономику, усилению централизованного перераспределения ресурсов, ограничению свободы предпринимательских инвестиционных решений, как центром, так и региональными структурами власти, и дозированной открытости экономики.

Эта тенденция уже имеет место. И есть определенные группы, которые заинтересованы в движении по этому, а не по другому пути. Более того, такие проекты составлялись. И для того чтобы это осуществилось, вовсе не обязательно проводить национализацию. Можно, например, производить конвертацию задолженностей в акции и государственные пакеты, или акции в обмен на государственные инвестиции, или реструктуризацию задолженностей передавать государству путем залога пакета акций, или приобретать акции на свободном рынке, или производить переоценку и учет государственной собственности и т. д.

А что же произойдет при олигархическом подходе? Произойдет дальнейшее укрепление компаний, рост отраслевой концентрации, осязаемое присутствие крупных иностранных компаний на российском рынке, делегирование государственного принятия хозяйственных решений крупным компаниям на условиях политического согласования в рамках так называемой промышленной политики или сочетание открытой экономики с селективными протекционистскими мерами. Здесь тоже есть свои проблемы.

Есть также возможность перехода к конкурентному капитализму (правда, чем дальше, тем более она абстрактна), когда государство сохраняет свою регулиющую роль в формировании и поддержании условий хозяйствования, содействия конкуренции и поддержки малого и среднего бизнеса. Вообще это декларируется, но реально делается очень мало.

Теоретически возможны, как видите, три варианта. Однако на практике первый вариант все больше доминирует в России. Поэтому говорить, что это исчезнет в ближайшее время, и тем более к следующим выборам, на мой взгляд, преждевременно. Ситуация довольно сложная и неопределенная, и к сожалению, время для более правильного выбора упускается, и проявляется зависимость от траектории предыдущего развития, которая может привести к самым неожиданным результатам.